**ДЕМЬЯНЕНКО
Александр
Николаевич**

Доктор географических наук, профессор, главный научный сотрудник

Институт экономических исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

**DEMYANENKO
Alexander
Nikolaevich**

Doctor of geography,
professor, chief researcher

Economic Research
Institute FEB RAS,
153, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

demyanenko@ecrin.ru

УДК 316 + 001

О «ТУЗЕМЦАХ» В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ НА СЕВЕРЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

В статье рассмотрены специфические черты феномена «туземной науки» в сети научно-исследовательских организаций, осуществляющих экономические исследования в пределах северной периферии Дальнего Востока. Особое внимание уделено состоянию сети научных коммуникаций и формулировке предложений, которые могли бы содействовать повышению их эффективности.

Экономическая наука, «туземная» наука, Север Дальнего Востока, библиометрика, научные коммуникации

ABOUT «INDIGENOUS» IN ECONOMIC SCIENCE IN THE NORTH OF RUSSIAN FAR EAST

The article deals with specific features of the phenomenon of «indigenous science» in the network of research organizations that carry out economic research within the northern periphery of Russian Far East. Particular attention is paid to the status of the network of scientific communications and the formulation of proposals that could contribute to improving their effectiveness.

Economic science, «indigenous science», North of Russian Far East, bibliometrics, scientific communications

Кто бы мог подумать, что статья молодого магистранта [12] может вызвать дискуссию в среде достаточно взрослых исследователей. Но что есть, то есть. И свидетельство тому – не только отклики на упомянутую статью Н. Наумова, помещённые в рубрике «Приглашение к дискуссии» [1; 10; 11], но и настоящая статья «от главного редактора».

Отчасти, но только отчасти, дело в самой статье. Но главная причина – во всяком случае, так это мне видится – в другом. Просто вольно или невольно Н. Наумов затронул несколько крайне болезненных проблем для отечественной экономической (а возможно, и не только) науки.

Одна из них, так сказать, лежит на поверхности: оценка эффективности научных организаций как таковая и использование для этого библиометрических методов. Рискну предположить, что однозначного решения здесь нет, и вряд ли оно будет найдено в ближайшее время.

В немногих словах суть проблемы можно сформулировать следующим образом. С одной стороны, научное сообщество (в том числе и сообщество экономистов-исследователей) считает и имеет на то основания, что оно представляет собой социальный институт и по определению обладает известной автономностью, в том числе и в определении эффективности своей деятельности.

И если бы исследовательская деятельность была бы не более чем форма индивидуального или коллективного досуга, то и проблемы бы не было. Но увы, современная наука, и экономическая тому не исключение, не может существовать без социальных институтов, среди которых особое место занимает государство. И государство, особенно государство российское, предоставляя научному сообществу необходимые финансовые и материальные ресурсы через правительственные организации (ФАНО, министерство науки и т.п.), вправе получить отчёт о том, как эти ресурсы используются. А для вменяемого государственного служащего для принятия решений относительно того, кому и сколько выделять ресурсов, необходимо иметь внятные и простые измерители. И вот здесь оказывается востребована библиометрика, которая предоставляет простые измерители, основанные на частоте цитирования той или иной публикации.

Конечно, иной раз «простота – хуже воровства». Но говоря о простоте библиометрических показателей, я хотел бы акцентировать внимание на том, что отдельные «простые» показатели формируют достаточно сложную систему параметров, которая в общем и целом даёт представление о масштабах, структуре и эффективности не только отдельных исследователей, но и научно-исследовательских организаций (НИО), расположенных в различных локациях. Другое дело, как бы ни были удобны количественные оценки исследовательской деятельности, они не исчерпывают всего многообразия аналитического инструментария.

Но есть и ещё одна проблема, которую высветил Р. Наумов в своей статье: наука – настолько сложный социальный феномен (институт), что его изучение предполагает комплексный и междисциплинарный характер. Поэтому невольно возникает вопрос: каким образом совместить различные языки описания, присущие отдельным наукам, при исследовании науки?

Конечно, есть своего рода материнская наука – науковедение или наука о науке, которая включает и наукометрию, исследующую науку как информационный процесс. Но если мы представим себе науку как творческий процесс, то здесь найдётся место для психологов, а если вспомнить что после Второй мировой войны наука приобрела политическую силу, то вполне понятно, что политологи исследуют во всё большем объёме отношения между политической властью и наукой. К этому следует добавить ещё и то, что наука уже давно стала объектом философского анализа, равно как и исторического¹.

¹ Подробно этот сюжет рассмотрен в монографии И. Жэнгра [9].

И само собой разумеется, что наука уже давно стала объектом социологических исследований. Социология науки за последние полвека стала относительно автономной специальностью с достаточно разнообразным арсеналом аналитических инструментов.

Заодно можно вспомнить и о таком ныне практически забытом направлении в рамках географии человека (социальной и экономической географии), как «география науки», а также и о находящемся на стадии становления направлении исследований уже в экономической науке – «географии экономической науки»¹.

Очертив в самом общем виде те проблемы, которые, по нашему мнению, поднял наш молодой коллега, попробуем сформулировать своё отношение к тем суждениям, которые имели место в ходе заочной дискуссии между Б.Х. Краснопольским, с одной стороны, и Л.Е. Бляхером и Э.О. Леонтьевой – с другой. Но прежде всего считаю своим долгом принести извинения перед читателями за мой редакторский «ляп», на который обратил внимание Б.Х. Краснопольский, а именно – в тексте статьи Н. Наумова имеет место путаница в определении географических границ объекта исследования. Зафиксировав, что «под Севером российского Дальнего Востока понимается совокупность макроэкономических зон за пределами Южной зоны Дальневосточного макрорегиона. Он включает Чукотский автономный округ, Магаданскую область, Камчатский край и северную часть Хабаровского края» [12, с. 53], Н. Наумов на той же странице говорит о «северной части ДФО». И то, что это случилось, – уже моя ответственность. Хотя из контекста следует, что автор придерживается на протяжении всей статьи первоначальной трактовки того, что есть Север Дальнего Востока.

Что же касается возражения Б.Х. Краснопольского по поводу, что такая конфигурация Севера Дальнего Востока «совершенно некорректна», то с этим я не могу согласиться. Даже несмотря на то, что Б.Х. Краснопольский в качестве убойного контраргумента указывает на «всем известные правительственные классификации», в соответствии с которыми Дальний Восток включает и Республику Саха (Якутию).

Судя по всему, здесь Б.Х. Краснопольский просто не обратил внимание на то, что административно-территориальное деление не есть единственно возможный вид районирования (регионализации) территории, пригодный на все случаи жизни. Следовательно, не существует одной-единственной самой что ни на есть правильной сетки районов. Районирование всегда осуществляется под вполне конкретную цель, бесцельного, как и универсального, районирования не бывает.

Что же касается места Якутии в системе экономических (социально-экономических) районов или экономических макрорегионов, то здесь далеко не всё ясно. Если иметь в виду первый уровень членения национального экономического пространства для целей выявления различий «от места к месту», то, следуя традиционным воззрениям на природу экономических макрорегионов (крупных экономических районов и т.п.), придётся признать вслед за классиками², что Якутия вполне может быть представлена в качестве самостоятельного экономического макрорегиона.

Что же касается вывода Б.Х. Краснопольского относительно того, что «репрезентативность выборки научно-образовательных организаций Севера ДФО, проведённой Н.В. Наумовым, вызывает серьёзные сомнения и не может быть признана адекватной реально существующей ситуации», то в этом отношении я полностью согласен с мнением Э.О. Леонтьевой [11].

¹ О географии экономической науки см., в частности, [2; 6; 7; 8].

² Говоря о классиках, я имею в виду не только работы П.П. и В.П. Семёновых-Тян-Шанских, но и работы Госплана 1920-х гг., в которых Якутия выделяется в качестве самостоятельного макрорегиона (крупного экономического района). Подробно этот сюжет рассмотрен в [5].

Отсутствие в соответствующей таблице «административно самостоятельного подразделения СВФУ» в г. Анадырь и научно-исследовательского центра «Арктика» в г. Магадан объясняется очень просто: они отсутствуют в НЭБ и не учитываются в РИНЦ. В том, что это так, а не иначе, может убедиться каждый. При этом ни Н. Наумов, ни автор этих строк вовсе не ставили под сомнение тот факт, что и в Анадыре, и в НИЦ «Арктика» (г. Магадан) трудятся достойные люди, как и то, что в этих городах проводят научные конференции, а исследователи, проживающие на Севере Дальнего Востока, изучают «экологические и социально-экономические проблемы адаптации пришлого и коренного населения к условиям Севера».

Теперь, возможно, о самом главном: что же подвигло Б.Х. Краснопольского столь оперативно и весьма эмоционально откликнуться на статью начинающего автора? Во-первых, он считает, что вывод Н. Наумова о том, что «на Дальнем Востоке имеет место пространственная концентрация в ядре, которое формируют научно-исследовательские организации Хабаровска и Владивостока, при крайне незначительных масштабах исследований в пределах северной периферии макрорегиона» [12, с. 62], настолько очевиден, что и говорить тут не о чём.

Действительно, вывод не блещет новизной, во всяком случае, в той его части, которая касается концентрации производства экономических знаний в Хабаровске и во Владивостоке, но здесь Н. Наумов опирается на результаты библиометрического анализа, одним из соавторов которого был автор этих строк [7], и не более того.

Но наше исследование было выполнено в другом масштабе: нас интересовала география экономической науки в Азиатской России на уровне городов, а библиометрический анализ был выполнен Н. Наумовым уже в масштабе отдельных организаций. И результаты этого анализа позволили ему не только дать количественные оценки масштабов и качества научных публикаций по экономической тематике организаций на северной периферии Дальнего Востока, но и понять то, каким образом они выстраивают сети научных коммуникаций. И сделать ещё один вывод, который так возмутил Б.Х. Краснопольского. Напомню, что речь идёт о том, что сети научных коммуникаций организаций на северной периферии Дальнего Востока «в значительной мере замыкаются в пределах или организаций, или города, в котором располагаются организации авторов научных статей, что соответствует признакам туземной науки» [12, с. 62].

И здесь мы можем на время оставить статью Н. Наумова и более внимательно остановиться на том, что есть «туземная наука». Напомним, что в 2013 г. журнал «Антропологический форум» провёл обсуждение основных положений статьи М. Соколова и К. Титаева «Провинциальная и туземная наука» [17], причём редколлегия посчитала возможным вынести на обсуждение вопросы, которые имеют отношение не только к отечественной социологии, но к более широкому кругу социальных и гуманитарных дисциплин¹.

При этом авторы указанной статьи придали ей явно провокативный характер, и, как показало обсуждение, провокация удалась². Рискну предположить, что уважаемый Б.Х. Краснопольский просто не в полной мере осознал сей факт.

Что же касается оппозиции «туземная наука» – «провинциальная наука», то в ней, в общем, не присутствует (во всяком случае, я этого не выявил) какой-либо негативной коннота-

¹ Среди двух десятков исследователей (как из пределов нашей страны, так и из-за её рубежей – США и Казахстана), принявших участие в обсуждении, были не только социологи, но и этнографы, политологи, лингвисты и даже представитель экономической науки, причём как из академических институтов, так и из ведущих ВУЗов.

² То, что это именно так, а не иначе, свидетельствуют сами авторы, когда начинают «Ответ критикам» словами: «Провокация удалась. Описание латентных оппозиций на постсоветском академическом пространстве и слабо завуалированное предложение рассчитаться на туземных и провинциальных учёных, содрожавшееся в списке вопросов после нашей статьи, ожидаемо вызвали значительное число откликов» [16, с. 215].

ции¹, которую обнаружил Б.Х. Краснополяский. Это его право, а вот решать, какая интерпретация упомянутых выше терминов правильная, а какая – «тривиальная», – это как-то не очень хорошо с точки зрения научной этики. Как, впрочем, и приписывание оппоненту того, чего он не говорил. А не говорил Н. Наумов о том, что экономическим исследованиям на северной периферии Дальнего Востока присущи ущербность, низкая научность и потеря содержательности.

А теперь по существу. Риску предположить, что и столичная, и провинциальная, и даже туземная наука имеют право на существование. Более того, они необходимы друг другу. И, скорее всего, правы те, кто полагает, что все эти составляющие научной деятельности «сильно перемешаны». Но сейчас не об этом, а том, что можно обозначить как «география науки».

Любопытно, что не только в ходе обсуждения на форуме, но и шире – в отечественном науковедении – остаётся практически неразработанной тема социального контекста. То есть той самой среды, в которой и осуществляется научная деятельность. А среда эта крайне неоднородна, в том числе и в её территориальном (возможно, точнее – пространственном) измерении.

И если продолжить логику анализа центр-периферийных отношений, а она имеет право на существование не только на уровне миросистемного анализа, то придётся признать: национальная наука имеет собственные центры и периферии. Более того, не будет большой натяжкой предположение, что «центры» и «периферии», взаимодействуя друг с другом, формируют региональные исследовательские системы².

И хотя М. Соколов и К. Титаев³, как и большинство участников форума, оставляют пространственный аспект как бы за скобками обсуждения, именно он нас интересует не в последнюю очередь⁴.

Пожалуй, единственным исключением в указанном отношении был текст О. Кирчик, которая в ходе обсуждения на форуме сформулировала несколько положений, имеющих принципиальное значение. Во-первых: «...национальный (в пределе – локальный) характер дискуссий в социальных дисциплинах не является аномалией, но конститутивным условием их развития». Во-вторых: «...связь социальных наук с национальными контекстами не означает, что они не могли или не могут породить значимые для науки явления». И наконец, в-третьих: «Пространственный принцип организации социальных наук входит в противоречие с требованиями интернационализации, которая в пределе также означает – по крайней мере, в случае экономической науки – использование унифицированной методологии и деллокализацию объектов исследования. Вместе с тем социальные науки характеризуются принципиальной неустранимостью локального объекта исследования» [13, с. 42].

Если коротко резюмировать, то в сухом остатке получим: социальные науки (и экономи-

¹ Скорее всего, прав А. Бермус, который заявил, что «приступая к рассмотрению заявленных концептов «туземной» и «провинциальной» науки, следует сразу же отметить, что речь идёт здесь скорее не о научных понятиях в классическом смысле слова, но о словах-метках, обозначающих некоторые очевидные тенденции» [13, с. 16].

² И эти пространственные системы вовсе не должны быть вписаны в уже сложившиеся системы административно-территориального деления страны.

³ Показательно в этом отношении мнение, высказанное М. Соколовым: «провинциальное или туземное в нашем понимании не обязательно имеют пространственное измерение и, возможно, даже, как правило, не имеют его» [15, с. 228].

⁴ Хотя следует отметить, что в ходе дискуссии был высказан ряд весьма интересных идей, и хотя они не получили должного развития, некоторые из них стоит привести: «...несмотря на все усилия авторов..., туземная наука конструируется как наука региональная» [13, с. 165]; «В Москве и Санкт-Петербурге представленность туземцев по меньшей мере достаточная. Есть даже ощущение, что пропорциональное соотношение туземцев / провинциалов в Москве, Иркутске или Магадане будет примерно равным» [18, с. 232].

ческая наука в том числе) пространственно организованы, когда речь идёт об исследовании реальных социальных систем, и внепространственно организованы, когда речь идёт об использовании унифицированной методологии. И с этим можно было бы согласиться (особенно с первой частью), если бы не одно обстоятельство. И обстоятельство это таково: теоретики и методологи почему-то предпочитают жить и работать не в Урюпинске, а в сложившихся научных центрах, скажем, в Москве или Санкт-Петербурге.

Наверное, здесь будет уместно вспомнить и П. Бурдьё с его концепцией социальных полей, особенно в той её части, которая имеет отношение к пространству науки. Напомним, что в рамках упомянутой концепции «поле науки – это всегда место более или менее неравной борьбы между агентами, которые неравным образом наделены специфическим капиталом и которые, следовательно, неравны с точки зрения способности воспользоваться результатами научного труда...» [3, с. 474]. И если это так, то утверждение относительно того, что в век Интернета не имеет значения, в каком географическом месте находится исследователь, выглядит, как минимум, не убедительно.

При прочих равных условиях демографические, инфраструктурные и тематические ограничения именно на периферии макрорегионов создают особо благоприятные предпосылки для формирования туземной науки, если только таковую не путать с «плохой» наукой¹. И действительно, северная периферия Дальнего Востока представлена по преимуществу «туземным» вариантом экономической науки.

Итак, туземная наука – это наука, которая ориентирована скорее на решение текущих проблем регионов, и уже в силу этого она активно взаимодействует с местными и региональными властными структурами, от которых зачастую зависит не только тематическая направленность исследований, но и наделение ресурсами. В результате представители туземной науки не то чтобы проигрывают конкурентную борьбу на рынке идей, они зачастую просто и не выходят на этот рынок. Отчасти это обусловлено тем, что при замкнутом характере научных коммуникаций представители туземной науки «получают признание друг от друга, соревнуются между собой» [14, с. 11]. Но туземная наука зачастую просто необходима, когда речь идёт о сборе и систематизации фактов, имеющих непосредственное отношение к тем или иным проблемам конкретных экономических систем.

А теперь коротко об организации экономических исследований на дальневосточном Севере и о том, следует или не следует использовать библиометрические показатели для оценки научной деятельности. Б.Х. Краснопольский сконцентрировал своё внимание на экономических подразделениях академических и отраслевых НИО, считая, что именно в них и сконцентрированы экономические исследования на севере Дальнего Востока. Но увы, факты говорят о другом. Большая часть экономических исследований приходится на ВУЗы. И вузовские исследователи ориентированы вовсе не на стандарты качества, задаваемые ведущими журналами экономического профиля (то есть своего рода коллективными экспертами) в региональных научных центрах (Владивосток, Хабаровск), а на журналы с невысокими значениями импакт-фактора, издаваемые вовсе не ведущими НИО экономического профиля. Кстати, на этот специфический характер научных коммуникаций обращает внимание и Н. Наумов.

Конечно, можно вслед за Б.Х. Краснопольским сказать, что «сверх-публикационная активность только вредит» исследователю, к тому же он и сам знает «кто есть кто» в его области исследований. Поэтому вся эта библиометрика или «околонаучная бухгалтерия», пришедшая к нам с Запада, нужна только «менеджерам от науки», о роли которых Б.Х. Краснопольский и

¹ Последняя действительно отличается самоизоляцией от научных и прежде всего теоретических дискуссий, избранием собственных стандартов качества научной продукции и этических норм.

говорить не желает. Что же, это вполне понятная позиция, к тому же окрашенная в патриотические тона, и лично я принимаю её как данность.

Но если отказаться, хотя бы на время, от эмоций, то придётся принять во внимание следующее. Как бы ни были несовершенны методы библиометрики, и какие бы манипуляции не проделывали с библиометрическими параметрами отдельные представители научного сообщества, библиометрика, тем не менее, позволяет дать количественные оценки и масштабов производства научной продукции, и отчасти её качества¹.

И эти оценки, в том числе полученные Н. Наумовым, дают основание предполагать, что современное состояние экономической науки на северной периферии Дальнего Востока далеко от совершенства.

И, возможно, самая острая проблема экономической науки на северной периферии макрорегиона, как её не называй, заключается в том, что сети научных коммуникаций не отличаются должной эффективностью. Здесь следует обратить внимание на, как минимум, два аспекта.

Первый: выстраивая научные коммуникации в пределах северной периферии, памятуя об ограничениях демографического, тематического и особенно инфраструктурного характера, в эти сети следует вовлекать не только экономистов, но и исследователей из смежных областей знания.

Второй: при формировании сетей научных коммуникаций между северной периферией и региональными центрами исследователи должны становиться их участниками независимо от своей ведомственной принадлежности.

Конечно, формирование эффективных сетей коммуникаций зависит в первую очередь от самих исследователей и НИО, но при этом не следует забывать и о «менеджерах от науки», ибо именно они принимают решения о выделении ресурсов, необходимых и для публикационной, и для конференционной деятельности.

В конечном счёте, все мы – и туземцы, и провинциалы, и исследователи, и «менеджеры от науки» – находимся в одной лодке. И каждый должен делать своё дело, ибо никто ещё не отменил ни специализации, ни кооперации в научной сфере.

Список литературы

1. Бляхер Л.Е. «Он нас посчитал», или О поисках новой востребованности науки // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 4. С. 83–86. DOI: 10.14530/reg.2018.4.83.
2. Боулдинг К.Э. Экономическая наука и социальные системы // Панорама экономической мысли конца XX столетия. Т. 2. СПб.: Экономическая школа, 2002. С. 907–927.
3. Бурдые П. Поле науки // Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетей, 2005. С. 473–517.

¹ Сами манипуляции с библиометрическими показателями, по нашему мнению, не более чем отражение роста девиантного поведения, проявившегося на Западе с начала 1980-х гг., а в нашем отечестве – в последнее десятилетие. И это девиантное поведение в науке обусловлено, с одной стороны, институциональным давлением («публикуй или погибнешь»), а с другой – опережающим ростом числа исследователей по сравнению с ростом государственных расходов на науку [9]. Возможно, это так и есть. Но можно вспомнить и слова В.И. Вернадского, наверно, первого отечественного науковеда: «Отделение научного мировоззрения и науки от одновременно или ранее происходившей деятельности человека в области религии, философии, общественной жизни или искусства невозможно. ... Прекращение деятельности человека в области ли искусства, религии, философии или общественной жизни не может не отразиться болезненным, может быть, подавляющим образом на науке. ... В настоящее время ... эта тесная и глубокая связь науки с другими течениями духовной жизни человечества нередко забывается...» [4, с. 58].

4. Вернадский В.И. Очерки по истории современного научного мировоззрения // Вернадский В.И. Труды по общей истории науки. М.: Наука, 1988. С. 42–174.
5. Демьяненко А.Н. О декомпозиции экономического пространства в пределах Дальневосточного макрорегиона // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 2. С. 5–20. DOI: 10.14530/reg.2018.2.5
6. Демьяненко А.Н., Демьяненко Н.А. География экономической науки: постановка проблемы // Пространственная экономика. 2014. № 1. С. 65–78. DOI: 10.14530/se.2014.1.065-078
7. Демьяненко А.Н., Демьяненко Н.А. О географии экономической науки в Азиатской России // Пространственная экономика. 2014. № 4. С. 120–147. DOI: 10.14530/se.2014.4.120-147
8. Демьяненко А.Н., Демьяненко Н.А., Украинский В.Н., Хиженяк В.Д. Деконцентрация российской экономической науки и качество институтов // Регионалистика. 2015. Т. 2. № 5–6. С. 70–84. DOI: 10.14530/reg.2015.5-6
9. Жэнгра И. Социология науки. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 112 с.
10. Краснопольский Б.Х. Экономические исследования на Севере Дальнего Востока: «туземная наука»? // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 4. С. 78–82. DOI: 10.14530/reg.2018.4.78
11. Леонтьева Э.О. Профессор против магистранта, или Рецензия на рецензию по горячей теме // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 4. С. 87–91. DOI: 10.14530/reg.2018.4.87
12. Наумов Н.В. Территориальная организация экономических исследований на Севере Дальнего Востока России // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 2. С. 52–63. DOI: 10.14530/reg.2018.2.52
13. Провинциальная и туземная наука // Антропологический форум. 2013. № 19. С. 11–188.
14. Розов Н.С. «Провинциализм», «туземство» и факторы интеллектуальной «столичности» в социальном познании // Социологический журнал. 2016. Т. 22. № 1. С. 8–25.
15. Соколов М. Фреймы и территории: несколько заключительных соображений по поводу дискуссии в «Антропологическом форуме» // Антропологический форум. 2013. № 19. С. 218–232.
16. Соколов М., Титаев К. Ответ критикам // Антропологический форум. 2013. № 19. С. 215–218.
17. Соколов М., Титаев К. Провинциальная и туземная наука // Антропологический форум. 2013. № 19. С. 239–275.
18. Титаев К. Несколько коротких реплик в дополнение к ответу М. Соколова // Антропологический форум. 2013. № 19. С. 232–236.

References

1. Blyakher L.E. «He Counted Us», or About the Search for a New Demand for Science. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2018. Vol. 5. No. 4. Pp. 83–86. DOI: 10.14530/reg.2018.4.83 (In Russian)
2. Boulding K.E. *Economics and Social Systems*. In: *Companion to Contemporary Economic Thought*. Ed. by D. Greenaway, M. Bleaney, I.M.T. Stewart. Vol. 1. S.-Petersburg, 2002. Pp. 907–927. (In Russian)
3. Bourdieu P. *The Field of Science*. In: *Bourdieu P. Social Space: Fields and Practices*. Moscow – S.-Petersburg, 2005. Pp. 473–517. (In Russian)
4. Vernadsky V.I. Essays on the History of Modern Scientific Worldview. In: *Vernadsky V.I. Works on the General History of Science*. Moscow, 1988. Pp. 42–174. (In Russian)
5. Demyanenko A.N. On the Decomposition of Economic Space within Far Eastern Macroregion. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2018. Vol. 5. No. 2. Pp. 5–20. DOI: 10.14530/reg.2018.2.5 (In Russian)
6. Demyanenko A.N., Demyanenko N.A. Geography of Economic Science: Problem Setting. *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economics*. 2014. No. 1. Pp. 65–78. DOI: 10.14530/se.2014.1.065-078 (In Russian)

7. Demyanenko A.N., Demyanenko N.A. About the Geographic Distribution of Economic Science in Asian Russia. *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economics*. 2014. No. 4. Pp. 120–147. DOI: 10.14530/se.2014.4.120-147 (In Russian)
8. Demyanenko A.N., Demyanenko N.A., Ukrainsky V.N., Hizhnjak V.D. Deconcentration of Russian Economic Science and the Quality of Institutions. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2015. Vol. 2. No. 5–6. Pp. 70–84. DOI: 10.14530/reg.2015.5-6 (In Russian)
9. Gingras Y. *Sociology of Sciences*. Moscow, 2017. 112 p. (In Russian)
10. Krasnopol'ski B.Kh. Economic Researches at the North of the Far East: «Indigenous Science»? *Regionalistica* [Regionalistics]. 2018. Vol. 5. No. 4. Pp. 78–82. DOI: 10.14530/reg.2018.4.78 (In Russian)
11. Leontyeva E.O. Professor vs. Undergraduate, or Review of a Review on a Hot Topic. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2018. Vol. 5. No. 4. Pp. 87–91. DOI: 10.14530/reg.2018.4.87 (In Russian)
12. Naumov N.V. Territorial Organization of Economic Studies in the North of the Russian Far East. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2018. Vol. 5. No. 2. Pp. 52–63. DOI: 10.14530/reg.2018.2.52 (In Russian)
13. Forum: «Provincial» and «Indigenous» Scholarship in the Humanities and Social Sciences. *Antropologicheskii forum* [Forum for Anthropology and Culture]. 2013. No. 19. Pp. 11–188. (In Russian)
14. Rozov N.S. «Provincialism», «Nativity», and Intellectual Factors of «Capitalness» in Social Cognition. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal]. 2016. Vol. 22. No. 1. Pp. 8–25. (In Russian)
15. Sokolov M. Frames and Territories: Some Final Thoughts on the Debate in the «Forum for Anthropology and Culture». *Antropologicheskii forum* [Forum for Anthropology and Culture]. 2013. No. 19. Pp. 218–232. (In Russian)
16. Sokolov M., Titaev K. Response to Our Critics. *Antropologicheskii forum* [Forum for Anthropology and Culture]. 2013. No. 19. Pp. 215–218. (In Russian)
17. Sokolov M., Titaev K. «Provincial» and «Indigenous» Science in the Humanities and Social Sciences. *Antropologicheskii forum* [Forum for Anthropology and Culture]. 2013. No. 19. Pp. 239–275. (In Russian)
18. Titaev K. A Few Short Replicas in Addition to M. Sokolov's Answer. *Antropologicheskii forum* [Forum for Anthropology and Culture]. 2013. No. 19. Pp. 232–236. (In Russian)

■ ■ ■
Для цитирования:

Демьяненко А.Н. О «туземцах» в экономической науке на Севере Дальнего Востока // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 4. С. 5–13. DOI: [10.14530/reg.2018.4.5](https://doi.org/10.14530/reg.2018.4.5)

For citing:

Demyanenko A.N. About «Indigenous» in Economic Science in the North of Russian Far East. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2018. Vol. 5. No. 4. Pp. 5–13. DOI: [10.14530/reg.2018.4.5](https://doi.org/10.14530/reg.2018.4.5) (In Russian)